БОЛЬШЕ НИКАКИХ ВОЙН

Три религии, один убийца

С 1934 года по настоящее время

Писатель
Бенн Флор

Переводчик
Александра Шаповалова

Больше Никаких Войн

Три религии, один убийца

Бенн Флор

Авторское право © 2011 Бенн Флор

***

Переведено Олександрой Шаповаловой

Женева, 1938 год

Вытянувшись во всю длину своего длинного худощавого тела, сидя на стуле в Женеве, Джонатан Керцнер думал о своем светловолосом 14-летнем сыне, который был в Америке. Дэвид всегда был отличником. Он был не только прекрасно развит для своего возраста, он также был крепким, как скала, и прекрасно сложен. Наверное, это было результатом занятий плаванием: он уже участвовал в своем десятом юношеском чемпионате в Бостоне, а через два года собирался поехать на всеамериканский чемпионат. Джонатан мысленно видел его, плавающего в бассейне у подножия холма, на котором стоял его величественный белый дом. Это был самый большой особняк в городе, из его окон открывался вид на океан. Дом стоял посреди открытой местности, окруженный волнующейся травой, идеальной, как поле для гольфа.

Находясь в Европе, 42-летний Джонатан нечасто думал о своих детях. Но сейчас он задумался, и не без оснований. Его сын Дэвид прекрасно понимал ситуацию. «Он ни за что не поехал бы со мной в Амстердам, и не только потому, что не хочет прощаться со своим спортом», – размышлял Джонатан. Талантливый сын Джонатана был уверен, что Амстердам в 1938 году был небезопасен для его матери и маленькой Эстер. Это было довольно точно. Он имел веские причины так думать. Олимпийские игры были тревожным политическим событием, кроме того, о жизни еврейских семей в Германии рассказывали ужасные вещи. Многие сейчас бежали из страны. Но то была Германия, а Голландия совсем не похожа на Германию.

Амстердам, центр алмазной торговли, находится в Голландии. И Джонатан, с его деловым прошлым, не мог так просто игнорировать это.

Он уставился на отражение в оконном стекле своего номера в швейцарском отеле, где возле костяшек его руки сверкал торшер. Казалось, что его решение незыблемо, как камень. Он хотел пожить со своей семьей в окрестностях Амстердама какое-то время. Ему представлялась классическая вилла на окраине города.

Проблемы в Европе не застанут их врасплох. Да и если бы застали, что с того? У него были деньги, много денег, а значит, он мог справиться с любой ситуацией.

Отдыхая в большом роскошном номере отеля на берегу Женевского озера, он представлял себе образы идеального будущего. Вместе со своим деловым партнером Абделем Амини Сабахом он с предвкушением ждал человека, который привезет их деньги. И, как наделся Джонатан, тот уже должен был ехать из Германии с двумя чемоданами, набитыми золотом, драгоценностями и особенно бриллиантами. Сидя в кресле, Джонатан окинул взглядом комнату песочного цвета, пахнущую деревом и темно-коричневой кожей, которой были обиты стены.

Он посмотрел на спину своего партнера, который стоял у окна.

Абдель Амини выглянул за клетчатую плитку на балконе, чтобы посмотреть на улицу, где мало что можно было разглядеть сквозь дождь и темноту мрачной ночи. В иные дни можно было отчетливо увидеть гору на другом берегу озера, а еще дальше – заснеженную вершину Монблана. Но сегодня

видимость была не более тридцати метров. Казалось, что прохладная сырость проникает даже внутрь.

Пасмурная погода сегодня навевала тоску на маленького человечка из британского протектората между Средиземным морем и рекой Иордан. Джонатан почувствовал его настроение. Деловые партнеры проводили вместе все больше времени и поэтому хорошо узнали друг друга. Миниатюрный Абдель Амини, который был старше Джонатана лет на десять, как всегда, был безукоризненно одет: сегодня это был дорогой, но очень эффектный белый костюм. Он снова, как это часто бывало, пересказывал старую историю, которую Джонатан теперь знал так хорошо, что мог бы рассказать ее в обратном порядке. Нельзя сказать, что он был особенно высокого мнения об Абделе Амини. Но о ком в наше время можно сказать такое? И вот ранним утром Джонатан снова слушал эту историю, пропуская ее мимо ушей и листая свободной рукой финансовые страницы газеты. Абдель Амини стоял перед окном, обращаясь к черноте темного озера.

Странный человек, этот маленький, лысеющий мужчина из древней земли филистимлян. Он был, может быть, в сто раз богаче Джонатана, но и вполовину не так умен. Джонатан знал, что Абдель Амини в прошлом много лет прожил в Америке и вернется туда после того, как выполнит свою работу.

Но что касается Джонатана, то сначала ему пришлось вступить в новую битву в Амстердаме, центре алмазной промышленности, потому что денег никогда не бывает много!

Адбель Амини продолжал говорить, вытирая толстыми пальцами запотевшее стекло, чтобы лучше видеть деревянные причалы. Пройдет совсем немного времени, и он заметит немца с двумя охранниками на борту. Но дождь хлестал по

поверхности воды, и над Женевским озером царила кромешная тьма, как и следовало ожидать в четыре часа утра.

Абдель Амини рассказал, как делал это бесчисленное количество раз прежде, о том, как он разбогател почти за одну ночь, покупая и продавая оружие.

– Это действительно было случайностью, – в тысячный раз начал он предаваться воспоминаниям своего детства, что проходило недалеко от Иерусалима. – Если бы я не увидел в детстве, как священник избивает до полусмерти моего крупного и сильного – но такого беззащитного друга Набиба – крестом, который использовал в качестве оружия, то, возможно, я бы не увидел необходимости в оружии.

Джонатан увидел, как Абдель Амини вздрогнул, снова переживая свою старую историю.

– Палестинцы должны вооружиться, и не только против фанатичных христиан. Так было всегда.

И это было правдой; даже киноиндустрия теперь снимала фильмы о так называемых героических крестовых походах против арабов. Кто-то должен был поставлять оружие. И дело было не только в деньгах. У кое-кого снова возникла необходимость в обороне, когда сионисты с 1900 года сплели паутину над районом, пытаясь превратить Теодор Герцельс в еврейское государство. На этой скудной земле были семьи, с которыми обращались как с дикарями, и они нуждались в защите.

– Я знаю, что для тебя это выглядит иначе, но я не выбирал эту карьеру, торговля оружием сама меня нашла. Я бы тысячу раз предпочел просто обрабатывать землю. –Абдель Амини глубоко вздохнул.

– Я бы с радостью отдал все свои богатства, если бы мой следующий ребенок, пусть это будет сын, мог вести другую жизнь, – произнес Абдель Амини, жалея себя.

– Легко говорить, пока у тебя нет сына, – раздраженно ответил Джонатан.

– Ну, что ты, – последовал неожиданный резкий ответ его партнера. – Возможно, тебе стоит подумать об этом!

Прибыл Генрих; пожилого немца сопровождали двое крупных, широкоплечих молодых людей в сапогах и темных черных кожаных куртках. Он целеустремленно шел по скользкому причалу, неся два квадратных чемодана, доверху набитых украденными сокровищами. Его огромные мокрые усы придавали ему вид одновременно смешной и довольный – похоже, Генрих и сам это осознавал.

«Это старый полицейский констебль, который, очевидно, не слишком уважает своего работодателя», – подумал Абдель Амини, когда трое промокших мужчин добрались до гостиничного номера. Он выполняет свою работу неохотно. Неужели мы все рабы своей судьбы?

Человек, принесший им деньги, выглядел неуверенно стоящим на ногах. Это был плотный, но приятный мужчина. Следующие три дня он тоже жил в этом роскошном отеле за счет своего работодателя. Он болтал о своей голландской подружке и о том, что, по его мнению, должно было вот-вот произойти с Германией.

– Грядут темные времена, – не раз предупреждал усатый Генрих за обедом и ужином. И гораздо худшие, чем все, что мы когда-либо переживали. – Для себя я решил не ехать в Амстердам. Если мне разрешат, я хочу купить потрясающий дом, чтобы жить в нем далеко-далеко в Америке. Позвольте дать вам совет: берите свои чемоданы и отправляйтесь вместе

со мной в эту Землю обетованную. Там столько краденого золота, что его хватит на сто жизней. Запомните мои слова: Германия и вся Европа движутся в опасном направлении. То есть для таких, как вы.

Абдель Амини кивнул:

– Я поеду через Англию в Нью-Йорк. Я давно это планировал, и, как только родится малыш, я попрошу Таннус присоединиться ко мне.

– А вы, Джонатан?

– Я нет, старина. Моя семья приедет в Амстердам. В конце концов, Нидерланды соблюдают нейтралитет. Мы начнем с отеля – он уже забронирован. Если ситуация останется стабильной, мы купим виллу в Гуи, недалеко от Амстердама. Если нет, мы всегда сможем отправиться дальше. На этот раз я не буду вкладывать золото в оружие. Отныне мои интересы будут направлены на новый рынок, и если вы хотите торговать бриллиантами, то вам придется приехать в Амстердам или Антверпен.

Когда все трое расходились на ночь, Генрих продолжал волноваться о будущем амбициозном бизнесмене. Он сунул во внутренний карман пиджака Джонатана письмо для своей голландской подруги, которая была младше его на двадцать пять лет.

– Если твои планы не изменятся, передай Маргарет мое письмо. Я не уверен, что голландские националисты не читают мою почту. Маргарет выступает против усиливающейся в Голландии партии, которая стремится поддерживать немцев. Голландское национал-социалистическое движение во многом имеет много общего с нацистами. Может быть, она сможет помочь тебе, если ты окажешься в опасности.

– Глупости, – сказал Джонатан напоследок. – Мне это не понадобится.

Три дождливых дня могут превратить трех совершенно разных взрослых людей в трех крепких друзей. Намерения по отношению к двум хорошо набитым чемоданам кардинально изменятся, а дружба, по сути, сыграет неожиданную роль в мировой истории.

На второй день произошло нечто важное. Абдель Амини получил телеграмму: далеко в Яффе родился его первенец.

В тот вечер трое мужчин сидели за богато украшенным столом. Двое, не связанные законами ислама, расслабились под воздействием фазана и бокалов Chateau Neuf du Pape, которыми они наслаждались.

Телеграмма очень тронула Абделя Амини, и он вдруг наклонился над столом, обращаясь к двум облокотившимся на спинки мужчинам.

– У меня есть предложение, и надо, чтобы Генрих это видел, – начал он. – Перед нами два чемодана и два взрослых мужчины, которые, с одной стороны, снабжали других оружием в этой адовой Европе, а с другой – хотят обеспечить своим сыновьям хорошее будущее. Мы не можем изменить то, что было, но, возможно, мы можем изменить их будущее. Давайте хотя бы в этот раз сделаем что-нибудь для наших детей на эти деньги: твоего Дэвида и моего новорожденного Джассара.

Он сделал глоток воды. Его взгляд встретился со взглядом Джонатана, который сидел напротив него с таким видом, будто хотел что-то возразить. Но тот промолчал, и Абдель Амини продолжил.

– Давайте дадим торжественное обещание, что откроем чемоданы только один раз, и то для того, чтобы вложить в них наставления для наших детей, чтобы они могли устроить себе лучшую жизнь, чтобы их жизнь пошла по другому пути, чем

наша. Он снова склонился над столом, и Генрих театрально зааплодировал.

Джонатан не шелохнулся. Он считал, что это глупая идея, которая, по сути, приведет к ущемлению интересов мальчиков. Так он и колебался во время долгого тягостного молчания, пока Абдель Амини теребил свою салфетку, а Генрих не знал, чем себя занять, кроме как откусить еще кусочек фазана. Джонатан знал, что тому никогда не удастся его уговорить.

Медленно и задумчиво он, наконец, неохотно поднял свой бокал с вымученной улыбкой в сторону своего эмоционального партнера; Джонатан не мог поступить иначе. Он знал, что в ближайшие десять, а может, и двадцать лет ему придется вести дела с этим крепким мужчиной в белом костюме. И он знал, что за этим дружелюбным лицом скрывается безжалостный бизнесмен. Противоречить ему сейчас означало бы резкое прекращение их деловых отношений. Это было обдуманное решение.

В тот же вечер чемоданы получили свое новое предназначение. Втроем они уложили два письма в темные тяжелые чемоданы с золотом и драгоценностями. Абдель Амини и Джонатан пообещали Генриху, который выступал в качестве свидетеля, что не будут говорить о содержании письма со своими детьми, пока те не вырастут.

– Повзрослеют! Когда, по-вашему, это произойдет? - Поинтересовался Джонатан. Для его Дэвида это было не так уж и далеко.

– Взрослением будет тот момент, когда наши сыновья станут достаточно взрослыми и мудрыми, чтобы принимать взвешенные, проницательные решения, – ответил Абдель Амини.

Эти наставления в двух одинаковых письмах определили ход жизни сына Джонатана – Дэвида, который пока думал

только об учебе и завоевании золотых медалей по плаванию на соревнованиях самого высокого уровня. В Америке мечты могут стать реальностью.

Бостон, 1938 год

Дэвид, закончив с домашним заданием на день, прогуливался мимо черного Форда, который всегда стоял на гравии у подъезда. Из всех машин, которыми владел его отец, Дэвид больше всего восхищался этой моделью среднего класса, рекомендованной Фордом для простых людей. Остальные были слишком помпезными и недостаточно спортивными. Ему очень импонировал стиль Арт Деко с большой решеткой радиатора. Кроме того, это был единственный кабриолет, который был у семьи. Он просто не мог дождаться, когда сможет сесть за руль.

Дэвид пошел по дорожке к подножию холма в старый центр города, чтобы встретиться с Тедом Бейтсом на Аконр Стрит. В свое время Тед был лучшим спортсменом года в Бостоне. Теперь у него был магазин электротоваров. Внутри на стенах висели газетные вырезки и фотографии молодого Теда Бейтса с большими закрученными усами, в шерстяном спортивном костюме, демонстрирующем его накачанные мышцы. Теперь он был стариком; любой, кому за сорок, – старик!

Местные жители покупали лампочки в магазине Теда, когда перегорали их собственные. Его маленькая витрина была забита непонятными приборами и несколькими большими радиоприемниками. Посередине был выставлен Murphy A42V, темно-коричневый квадратный шкаф такого же цвета, как и радиоприемники. Сверху находилась крышка, которая всегда была открыта, чтобы видеть, что представляет собой машина; маленькое выпуклое окошко из серого стекла с закругленными

углами. По оценке Дэвида, экран был размером примерно десять на десять сантиметров.

– Это телевизор, – сказал ему Тед Бейтс. Его привезли из Англии. В следующем году я хочу заменить его на DuMont 183. Американский. У него больший экран, и он надежнее, чем 180-й. За ним будущее. Он очень хорошо продается в Америке, больше всего в Нью-Йорке. За пять лет десять тысяч человек купили по телевизору, хотя не все из них были DuMont.

Это показалось Дэвиду невероятно притянутым за уши. Тед, вероятно, был одним из немногих в Бостоне, у кого был DuMont. Не многие американцы могли потратить семьсот долларов, необходимых для его покупки, за эту цену можно было купить и машину. Для обычного человека все было дорого. Хлеб теперь стоил девять центов. У семей действительно не было ни времени, ни денег на такие новинки.

В глазах Дэвида Тед был увлеченным трудоголиком, чье хобби сводило его с ума. Трудоголик, но также фантастический тренер по плаванию. Ранними вечерами и утром, в пять, Дэвид заходил за ним, чтобы отправиться в бассейн. Он закрывал магазин на час раньше остальных, чтобы провести это время с мальчиком.

Каждый день Дэвид спускался с горы к магазину, где Тед обычно уже ждал его на пороге. За спиной Теда звенел колокольчик, когда он закрывал дверь. И вместе они шли вдоль старинных домов по Луисбург Сквер. Он знал, что двадцать два здешних домовладельца сами распоряжались своими владениями и окрестностями без участия муниципальных властей, и что именно эту романтическую обстановку Луиза Мэй Олкотт положила в основу своих классических романов. Тед всегда мог рассказать что-то интересное.

– В следующем году NBC и RCA хотят провести прямую трансляцию со Всемирной выставки в Нью-Йорке, – с энтузиазмом рассказывал Тед Бейтс.

– Зачем им это делать, если это почти никто не увидит?

– Может, я покажу ее из своей витрины. Это был бы потрясающий рекламный трюк! Поверь мне, рано или поздно эта машина изменит мир.

Дэвид понял, что такое утверждение вполне возможно. В тот момент его охватило волнующее чувство, что ему предстоит пережить нечто судьбоносное, что начнется с этого интригующего деревянного шкафа в магазине Теда Бейтса.

Пюрмеренд, 1940-1941 годы

Дэвид считал себя достаточно взрослым и мудрым, чтобы противостоять планам отца. Тем не менее, год спустя он уже плыл на пароме в Амстердам со своей матерью и четырехлетней Эстер. Он был очень взволнован. Ему не нравилась ситуация в Европе, а отец, по его мнению, слишком рисковал. Он считал очень важным, чтобы мама и маленькая Эстер не путешествовали одни.

Путешествие на океанском пароходе заняло почти месяц. Путешествие через Испанию показалось матери почти праздником. Для Дэвида же это были самые скучные четыре недели в его жизни. Правда, на палубе был бассейн, но его длина не превышала семи метров, и обычно он был полон толстопузыми стариками, которые просто держались за бортики. Вокруг бассейна стояли шезлонги, на подлокотниках которых висели халаты. Женщины в купальных костюмах целыми днями лежали у бассейна и двигались только для того, чтобы намазаться чем-то, что заставляло их блестеть на солнце, или потягивать напиток через соломинку. Дэвид наблюдал, как за четыре недели женщины превратились из красных, как раки, в темно-коричневых. К тому времени, когда они добрались до Амстердама, он и сам немного покраснел.

Бостон был старым городом, но Амстердам обладал своим собственным манящим очарованием. Дэвиду показалось, что он полон кукольных домиков. Кирпичи были тех же цветов, что и на картинах старых голландских мастеров, которые он видел в учебниках. Дэвиду показалось, что каналы

и мосты старого квартала в центре города не изменились за триста лет. Это вызывало у него приятное, умиротворенное чувство; ему не нравились городская суета и звуки. А вот Нидерланды были совсем другими. У этой страны была история, даже замок, но здесь это никому не казалось чем-то особенным. Для такого американца, как Дэвид, это было уникально. Все здесь казалось маленьким, а единство и дружелюбие людей удивляли его: казалось, все знали друг друга.

В течение короткого времени жизнь шла гладко. Дэвид снова занялся плаванием и плавал в открытых водоемах. Он хотел как можно скорее записаться в клуб плавания и для этого пытался выучить голландский язык. Он много времени проводил на гоночном велосипеде, который отец настоял взять с собой в путешествие. Так он познакомился не только с Амстердамом, но и с его окрестностями.

В 1940 году голландцам был нанесен удар, который поначалу семья Керцнер не считала серьезным. В течение трех дней немецкие войска вошли в Низинные земли. Королева Вильгельмина и ее семья бежали из страны. Голландцы взорвали Греббенбергские дамбы, чтобы попытаться остановить продвижение немецкой армии, но безрезультатно.

Джонатан и Дэвид по-прежнему могли свободно передвигаться. В гостинице они узнали о создании Еврейского совета и о первых рейдах. С начала 1941 года евреев заставляли носить звезду Давида; семье Керцнеров, как иностранцам неизвестного происхождения, удалось этого избежать.

Вскоре рейхскомиссар Зейсс-Инкварт издал постановление, согласно которому каждый, кто полностью или частично имеет еврейское происхождение и проживает на

оккупированной голландской территории, должен был заявить о себе. Джонатан решил, что не будет с этим мириться и что теперь, по сути, пришло время покинуть Нидерланды. Однако все вышло не так, как он ожидал.

Вскоре после первых рейдов в феврале того же года Джонатан оказался в центре беспорядков, связанных с Национал-социалистической партией. Все, кто носил Звезду Давида, были схвачены. Движимый страхом, на следующий день он как можно быстрее отправился из комфортабельного отеля на берегу реки Амстел к Маргарет. Она жила в скромном районе в центре Амстердама, ее дом находился на первом этаже высокого дома на узкой улочке.

Маргарет была уверенной в себе женщиной с волнистыми каштановыми волосами и темными глазами, и она согласилась помочь Джонатану, как и предсказывал Генрих. Она дала ему адрес, по которому он мог скрываться вместе со своей семьей в сыром и вонючем подвале.

По наблюдениям Дэвида с этого дня Дэвид его отец стал совсем другим человеком. К его обычной высоте и худобе добавилась смертельная бледность, остекленевший взгляд ничего не выражающих глаз.

По предложенному Маргарет адресу находился тесный затхлый подвал, частично расположенный ниже уровня улицы. Он находился в старом центре города, с его узкими улочками, извилистыми переулками и темными домами высотой в четыре этажа. Молодая, небольшого роста Хюйге Колин, которая жила по соседству со своим пожилым супругом Сьордом, сказала, что помещение используется для хранения книг. По этой причине в подвале также воняло мокрой бумагой. Церковные книги, литература религиозных диссидентов и множество научных книг были выброшены в неприспособленное для

этого сырое помещение. Хюйге не знала, что ее муж перенес книги, чтобы на время создать жилое пространство.

Колин, невысокий человек с хитрыми глазами, всегда носил один и тот же темный костюм с лоснящимися, потертыми пятнами на локтях. Сьорд и Хюйге регулярно ходили в церковь в Дургердаме, и именно здесь они услышали о том, что многие испуганные евреи обращаются за помощью. Так у Сьорда возникла идея приютить богатых евреев в этом самом подвале.

Дэвид назвал опасное убежище «книжной пещерой». Узкая комнатка, ведущая с улицы в маленький садик на заднем дворе, была около девяти метров в длину и пяти метров в ширину. Изначально это было одно большое хранилище, теперь в него можно было попасть только с задней стороны. Дверь, которая находилась со стороны улицы, была навечно запечатана. Чтобы попасть в заднюю часть здания, нужно было пройти через дом Сьорда Колина.

Сьорд Колин творчески разделил территорию на маленькие комнатки, сложив все книги так, чтобы получились стены. Остальные книги были сложены в стопки, чтобы выстроить стены по бокам подвала. Жилая зона в садовой части комнаты была размером четыре на пять метров, а со стороны улицы Колин соорудил две крошечные спальни. Окружающая обстановка была причудливой и унылой. Книги, казалось, поглощали то немногое, что здесь было, а свет падал только через люк, ведущий в сад.

У Дэвида было много времени в этом подвале, чтобы вспомнить тот период, когда он был относительно свободен. Он многое открыл для себя в Амстердаме и его окрестностях. Ему нравилось ежедневно любоваться каналами, мостами и

великолепными фасадами старинных зданий. Каждый день он выезжал на гоночном велосипеде, который взял с собой благодаря настояниям отца. Он ездил на восток, где были сухие вересковые земли, к Ларену. Над Амстердамом, напротив, лежали влажные, зеленеющие польдеры.

Во время одной из поездок к северу от Амстердама, через деревню Дургердам, Дэвид случайно встретил Бренду. Примерно за год до этого, когда оставалось около десяти дней до вторжения немецких солдат в Амстердам, Дэвид с удовольствием катался на велосипеде с ветерком по польдерам. Он ехал по длинной полосе Северо-Голландского канала, справа от него была канава, а за ней простирались пастбища. В некоторых местах вид на луга закрывали дамбы.

Вдруг из-за одной из дамб он услышал крик о помощи. Дэвид резко затормозил.

В тот же миг на вершине дамбы появилась Бренда – девушка с блестящими светлыми волосами, одетая в ярко-синий комбинезон. Она бежала в его сторону, нервно оглядываясь. От чего она убегала и чего так боялась, было пока неясно.

Бренда поспешила к нему, спотыкаясь, с протянутыми к нему руками. Дэвид тем временем спешился и побежал ей навстречу. За Брендой бежал молодой человек с темными кудрями. Он тоже оглядывался, когда добрался до вершины дамбы. Он не казался очень пугающим. Он остановился на вершине дамбы, жестом показав Дэвиду, чтобы тот был осторожен с тем, что следует за ним.

Дэвид услышал вдалеке несколько резких ударов, которые не исходили от юноши на дамбе. Внезапно, словно из-за удара, юноша рухнул вперед, ковыляя в сторону Бренды с

выражением изумления на лице. Задыхаясь, он обхватил Дэвида за плечи, чтобы удержаться на ногах.

Вернувшись в книжную пещеру, Дэвид, как только представилась возможность, рассказал об этой истории Маргарет.

– К вам не заходили светловолосая женщина и смуглый мужчина из Северной Голландии чуть меньше года назад? – настойчиво интересовался он у нее. Его отец настоял на том, чтобы он всегда носил с собой адрес Маргарет.

– Это адрес подруги моего надежного друга, – сказал доверительно ему отец. – Не думаю, что он когда-нибудь понадобится кому-то из нас, но никогда не знаешь наверняка. Если мы столкнемся с неожиданными трудностями, она сможет нам помочь.

Дэвид знал, что должен помочь этой паре вырваться из рук преследователей, переправив их через канал. Сначала он затащил юношу в воду за плечи, а затем поплыл с ним на другой берег. Блондинка плыла за ними, таща за собой его велосипед. На другой стороне они укрылись за берегом. Их преследователи, одетые в униформу, которые могли быть как голландцами, так и немцами, долго стояли на другом берегу канала, очевидно, обсуждая, что им делать. В конце концов показалось, что они решили отказаться от погони. Однако Дэвид опасался, что, возможно, они просто вернулись к своим машинам, чтобы найти мост для переправы через канал.

Дэвид рассказал Маргарет, как им удалось добраться до фермы Бренды. Там он быстро понял, что она – сильная волевая девушка. Вопреки советам деревенских всезнаек, она вышла замуж за авантюрного смуглого цыгана, который в этот момент лежал в постели, его нога невероятно болела. Позже

Маргарет рассказала, что еще до начала войны в Нидерландах существовало множество предрассудков по отношению к цыганам. Но Рикардо был жизнерадостным человеком и к тому времени знал Бренду и ее отца уже около года.

Теперь Дэвиду было очень интересно узнать, как развивалась эта история, начиная с того момента, когда он дал Бренде адрес Маргарет. Приезжали ли преследователи на ферму? Встретила ли она Бренду на самом деле? Удалось ли Бренде вовремя сбежать, и смогла ли Маргарет ей помочь? И... остался ли в живых этот обаятельный Рикардо?

Дэвид завалил Маргарет этими вопросами, потому что у него сложилось впечатление, что Бренда не будет сидеть на месте, он думала, что она, скорее всего, сбежала бы уже на следующий день. Она, конечно, понимала, что ей придется быть на шаг впереди их голландских или немецких преследователей, которые, несомненно, придут искать их на ферме.

Бренда действительно обратилась к Маргарет. Через некоторое время она отправилась по адресу в Амстердаме, который дал ей Дэвид. С ней был Рикардо, который пострадал гораздо серьезнее, чем она предполагала. Маргарет направила их к Сьорду Колину; возможно, именно эта ситуация натолкнула его на мысль использовать свой подвал.

Маргарет не знала, что Сьорд Колин отказал в приюте Бренде и раненому Рикардо. Беззаботный Рикардо умер на улице на руках у Бренды, пока они искали другой адрес вдоль одного из каналов Амстердама. Ни Маргарет, ни Дэвид не могли знать, что в тот момент Бренда поклялась отомстить Колину.

Теперь шестнадцатилетний Дэвид жил со своей кроткой матерью, маленькой Эстер и упрямым отцом по тому же

адресу, который тогда передал Бренде. Они уже привыкли к пронизывающему запаху мокрых книг и больше не чувствовали его. Стены со стопками книг всех форм и размеров больше не казались странными. Мать Дэвида дорожила маленьким лучиком, пробивавшимся сквозь неухоженный, заросший сад. В самом саду света было совсем немного: он был слишком мал, а окружающие его дома слишком высоки. В одном из углов сада росли две корявые яблони, которые его мать использовала с пользой, точно так же, как пару кустов малины и помидоров.

Слабый свет, падавший в импровизированную гостиную, проникал через окно, которое больше не было застеклено. По ночам они задвигали ставни, чтобы уберечь раму от холода. Это был единственный выход во внешний мир, так что хорошо, что зелень заслоняла его.

С уличной стороны подвала окна давно заколотили досками, так что теперь никто и не подозревал, что за ними находится жилище. Прихожане из Дургердама знали, что где-то здесь хранятся книги из старой библиотеки. Сьорд Колин был верным членом общины и заботился о религиозных и научных книгах, а также о множестве книг по природе, электронике и экономике.

Семья, скрывавшаяся в этой мрачной, вонючей яме, понимала, что должна держать голову над водой. Мать, похоже, не беспокоилась из-за неудобств жилья: она, как и Дэвид, сохраняла свою психическую и эмоциональную устойивость. Он коротал время за чтением многочисленных книг. Иногда он позволял себе вытянуть ноги среди зарослей в саду.

Отчасти для того, чтобы убить время, а отчасти для того, чтобы попытаться вернуть отца в мир живых, Дэвид пытался

вовлечь его в разговор.

– Па, Тед Бейтс верит, что у этого нового изобретения великое будущее.

– Не глупи, малыш. Какое будущее тебя может ожидать в этом мире? – Джонатан неловко пошевелился в кресле. Он не мог разделить энтузиазма Дэвида по поводу того, что ждет того впереди.

Дэвид раздраженно попытался объяснить ему.

– Давай объясню: ты сможешь видеть людей, с которыми общаешься по телефону. Ты сможешь одним нажатием кнопки в Амстердаме узнать, идет ли дождь в Бостоне, – предсказывал его сын.

– Книги, над которыми ты сидишь каждый день, явно не приносят тебе пользы, – усмехнулся Джонатан, как делал это и в прошлые разы.

Тем не менее, Дэвид не терял воодушевления. Джонатан считал, что идеи Дэвида – это бездумные мечты ребенка, неготового к этому миру, где все крутится вокруг денег. В результате Дэвид стал реже рассказывать ему о своих идеях. Да и Джонатан меньше хотел говорить с Дэвидом о другом деле. Он ничего не рассказал Дэвиду о чемодане, который впоследствии должен был перейти к нему, и который в данный момент надежно хранился в доме у Сьорда Колина. По мнению Джонатана, Дэвид еще не был готов к этому.

– Телевидение превзойдет радио, – предсказал однажды Дэвид. – Но это произойдет не раньше, чем через пятьдесят лет, потому что разработка стоит очень дорого.

– С каких это пор тебя интересуют деньги?

– Меня не интересуют деньги, отец. Мне просто интересно, что принесет будущее. Мне интересно, будут ли люди по-прежнему вести такие войны, если все жители далеких стран смогут видеть друг друга на своих кухнях?

Но Джонатану это было не интересно, и он не стал продолжать разговор о деньгах.

– У тебя должно быть свое мнение на этот счет, отец.

Месяц за месяцем Дэвид пытался расположить к себе отца. Шли месяцы, Джонатан становился все более худым и бледным. Он все больше замыкался в себе, сидя на единственном деревянном стуле в комнате, богато уставленной книгами. Разговоры становились все короче и короче, пока не стало казаться, что Джонатана вообще не существует.

Дэвид пытался рассуждать не только о далеком будущем, но и о ситуации, в которую они попали прямо сейчас, в 1941 году.

– Нам нужно найти выход.

В кои-то веки Джонатан был с ним согласен. Джонатан и сам теперь искал выход – вместе со Сьордом Колином.

Только Сьорд Колин, казалось, мог достучаться до него. Казалось, он на короткое время оживал, на щеках появлялся румянец, когда, общаясь с соседом, они находили точки соприкосновения.